

Копия

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА СВИДЕТЕЛЯ

д. Ганевичи

18 января 1961 г.

Следователь следотдела КГБ при СМ БССР лейтенант
допросил в качестве свидетеля

КИШКУРНО Агафию Францевну, 1875 года рождения,
уроженку и жительницу д. Ганевичи Швабского
с/с Логойского р-на Минской обл., белоруску,
гр-ку СССР, беспартийную, неграмотную, пенсионерку.

Об ответственности за отказ от дачи показаний и за дачу
заведомо ложных показаний по ст.ст. 134 и 136 УК БССР предупреждена.
(Неграмотная).

ВОПРОС: На каком языке желаете давать показания?

ОТВЕТ: Показания я желаю давать на русском языке.

ВОПРОС: Где находились и чем занимались вы в период
Отечественной войны?

ОТВЕТ: Перед Отечественной войной я с семьей переехала
из д. Ганевичи в д. Нивки Логойского р-на, где и находилась в
период Отечественной войны до сожжения этой деревни карателями,
после чего я проживала в д. Ганевичи.

ВОПРОС: Когда и при каких обстоятельствах была сожжена д. Нивки?

ОТВЕТ: В день этого злодействия я с тремя дочерьми Марией, Яниной и Антониной (20, 17, 14 лет) находились дома в д. Нивки. Было это часов в 8 утра летом 1943 г. (дату не помню, но припоминаю, что это было накануне религиозного праздника "Петров день"), из окна своего дома я увидела, что недалеко от дома ходили два карателя в немецкой форме зеленого цвета со знаками различия на фуражке и рукаве человеческим черепом и костями. Я знала, что это эсэсовская форма, так как в г.п. Логойске стояла какая-то часть СС, и когда кто-нибудь в такой форме появлялся у нас в деревне, то их называли эсэсовцами.

Когда я вскоре вышла на улицу, то увидела, что деревня была окружена эсэсовцами, вооруженными винтовками и автоматами. Многие из них разговаривали по-русски с украинским акцентом, слышна была также русская и белорусская речь со стороны этих эсэсовцев, были также среди них и немцы, но все они были обмундированы в одну немецкую форму зеленого цвета, у некоторых из них были плащ-палатки. Сколько было эсэсовцев, я не знаю. В деревне был эсэсовский обоз. При каких обстоятельствах они прибыли в деревню и окружили деревню, я не видела, автомашин я также не видела. Спустя некоторое время эсэсовцы начали

собирать всех жителей нашей деревни в одно место под предлогом проверки документов. Эсэсовцы заходили в дома с северной окраины деревни и выгоняли односельчан из домов на улицу, приказывая идти в направлении Логойска на южную окраину деревни. Меня с тремя дочерьми также присоединили к общему потоку односельчан и погнали в направлении южной окраины деревни. Не доходя примерно метров пятидесяти до окраины деревни нас всех остановили в небольшой низине на улице и начали сгонять сюда остальных жителей. Помню, сюда же немецкие каратели пригнали и беженцев (человек 20), проживавших тогда в нашей деревне. Когда были собраны многие жители нашей деревни (человек 150) в одно место, эсэсовцы предложили выйти из толпы родственникам эсэсовцев и полицейских. Многие жители нашей деревни, желая спасти себе жизнь, вышли из общей толпы под предлогом родственников карателей — всех их отправили на южную окраину деревни на возвышенность. Остальных жителей эсэсовцы погнали по деревне к северу. Было видно, что на северной окраине деревни горели отдельные дома.

Недалеко от дома ШЕВЕЛЬ Григория (расстрелян в день злодействия) нас пытались загнать в какой-то дом (чей, не помню), но никто идти в дом не хотел, женщины и дети плакали, просили эсэсовцев не расстреливать. Затем, не помню, в связи с чем, кто-то из эсэсовцев крикнул: "Ложись!" — почти все односельчане легли на землю, а некоторые бросились бежать, пытаясь убежать и моя дочь Янина, но она как и все другие убегавшие, была убита эсэсовцами. Я лишь слышала беспорядочную стрельбу эсэсовцев, затем увидела, как упала моя дочь, но кто конкретно из эсэсовцев убил ее, я не видела. Расстреляв убегающих, эсэсовцы приказали нам встать и принудительно начали загонять нас в дом ШЕВЕЛЬ Григория, всех, кто сопротивлялся, загнали в дом принудительно, подталкивая прикладами винтовок и автоматов. Примечь было слышно, что эсэсовцы, загонявшие нас в дом, разговаривали на русском языке (слышалась ли в их разговоре украинский или белорусский акцент, не обратила внимания). Все односельчане не вместились в дом ШЕВЕЛЬ и их погнали в соседние дома и сараи, но я лично видела, в какие дома их загнали, лишь позднее я обнаружила обгорелые трупы моих дочерей Марии и Антонины (среди других трупов) на пепелище бывшего соседнего сарая.

Зайдя в дом ШЕВЕЛЬ, я спряталась за дверь и помню, что когда дом полностью заполнился односельчанами, эсэсовцы, находясь на улице у дома, открыли через открытую дверь дома беспорядочную стрельбу по мирным жителям. Так как в доме были в основном женщины и дети, то многие женщины, лежа на полу, прикрывали своими телами детей, все рыдали, просили о пощаде, над убитыми матерями плакали дети, стоял общий ужасный гул. Затем, мне помнится, что число эсэсовцев у дома увеличилось (сколько их было, я не видела), так как стрельба по нас усилилась. Оставшиеся еще в живых дети и женщины в ужасе рыдали, стонали раненые, но затем постепенно общий гул и стоны начали затихать. Когда начали стонать отдельные раненые, а большинство уже были мертвые, я, стоя за дверью, слышала, как в дом входили эсэсовцы и пристреливали раненых, было слышно, что они разговаривали на русском языке (содержание их разговора не помню), слышны были отдельные выстрелы. Сколько заходило в дом эсэсовцев, я

не видела, а когда они вышли из дома, я выглянула из-за двери и увидела ужасную картину: почти все односельчане (человек 50) были мертвые, трупы лежали друг на друге, всё было в крови, многие были с простреленными головами. Изредка стоали раненые. Я видела, как наша односельчанка СМОЛЯР Зинаида приподнялась и по трупам поползла под печь. Я ей еще испотом советовала не двигаться, так как ее могли увидеть эсэсовцы. У нее была прострелена челюсть, вся одежда была в крови. Когда СМОЛЯР с большим трудом по трупам подползла под печь, то вскоре в дом зашел какой-то эсэсовец и поджег соломенный матрац, дом загорелся. Помню, в доме я тогда видела расстрелянных эсэсовцами: мою невестку ШЕВЕЛЬ Елену с ребенком, ЯРОШ Марию с детьми (других не помню).

В деревне слышалась беспорядочная стрельба, горели дома и надворные постройки. Когда дом, где я находилась, наполнился дымом, я незаметно выскочила через дверь на улицу, затем на огород и легла в ячмень недалеко от горящего дома. Убегать дальше я боялась, так как слышались еще вокруг деревни отдельные выстрелы. От горящего дома заворелся ячмень, на мне горела одежда, сильно обгорела левая рука (следы ожогов видны и сейчас) и по мере возможности я отползала от горящей деревни всё дальше и дальше. Вскоре я увидела, как обгоревший дом ШЕВЕЛЯ рухнул. Когда точно и при каких обстоятельствах выехали эсэсовцы из деревни, я не видела, но часов в 12-13 дня, когда я выползла за деревню в лесу, то эсэсовцев больше не видела.

Кто руководил проведением этой карательной операции, я не знаю. Был ли кто-либо из эсэсовцев в деревне верхом на лошади, я не обратила внимания, не помню, кто мне говорил, что на окраине деревни эсэсовцы расстреливали односельчан из пулеметов, автоматов и винтовок, а также сжигали некоторых заживо, но я очевидцем расправы карателями на окраине деревни не была. В каких еще карательных операциях участвовали эти эсэсовцы, я не знаю. Мне также рассказывали (кто, не помню), что всё награбленное имущество и скот эсэсовцы увезли в г.п. Логойск.

Добравшись до леса в день сожжения д. Нивки, я затем ушла в д. Ганевичи, а на третий день возвратилась в д. Нивки и в числе других лиц (кого, не помню) принимала участие в захоронении на кладбище в одной могиле останков погибших односельчан, часть которых была захоронена также на месте их гибели. Помню, когда багром оттащили части обгоревшего дома ШЕВЕЛЯ, с останков погибших в этом доме, то трупы воспламенились и долго горели. Я успела выхватить из огня труп моего внука, который также горел, и водой затушила огонь, а труп внука захоронила на кладбище.

Сколько всего жителей было уничтожено тогда эсэсовцами, я не знаю, говорили (кто, не помню), что человек 150.

Мне также известно, что тогда удалось спастись из горящего дома ШЕВЕЛЯ и СМОЛЯР Зинаиде, но при каких обстоятельствах, я не знаю.

Больше мне ничего об обстоятельствах сожжения д. Нивки и уничтожения ее жителей не известно.

Карателей я тогда видела непродолжительное время, причем сильно волновалась, и опознать их не могу.

Припоминаю, что с эсэсовцами приезжал тогда житель дер. Мостище БОРИСКЕВИЧ Степан (отчество не помню) с сыном (имя его не знаю), но почему они были тогда в числе эсэсовцев, я не знаю, насколько мне помнится, они также были в эсэсовской форме, но точно этого утверждать не могу. Где они находятся в настоящее время, я не знаю.

Дополнений не имею, протокол мне прочитан, записано верно. (Неграмотная).

Допросил следователь КГБ при СМ БССР
лейтенант [REDACTED]

Верно:

Центральный архив НБРСЧ